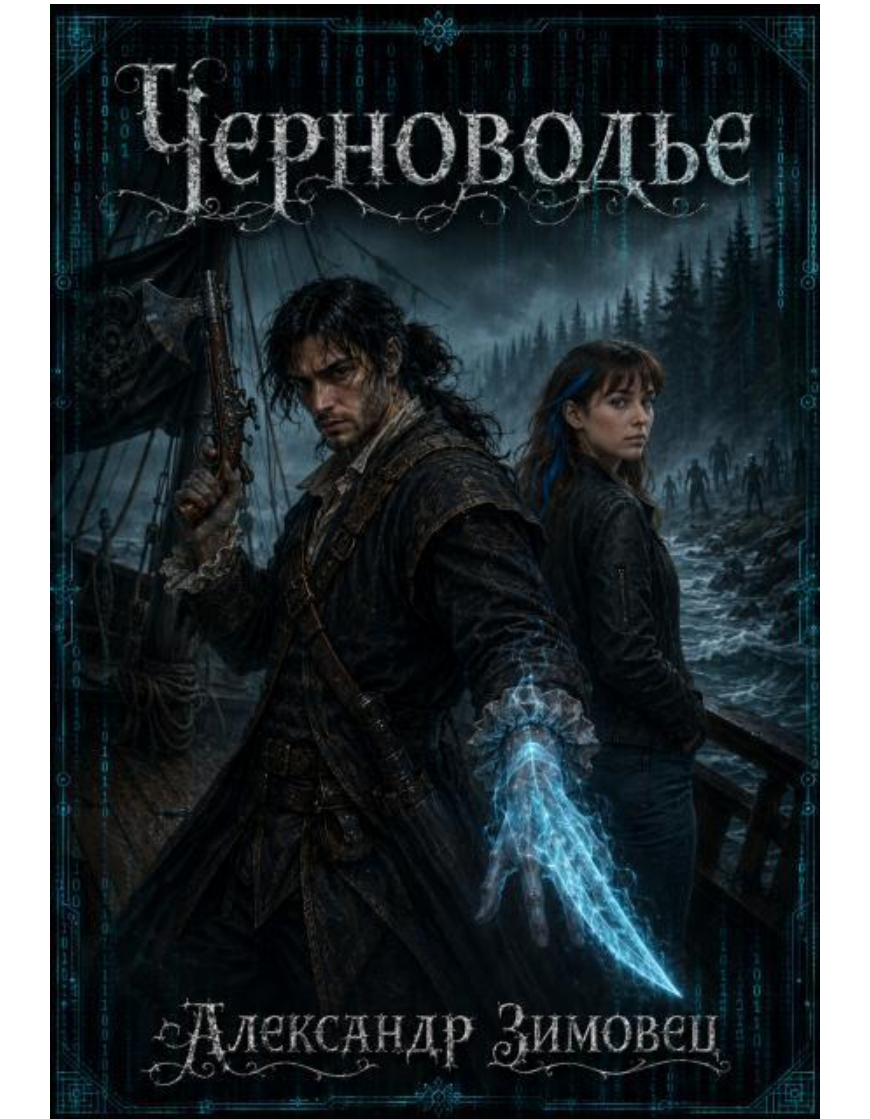

Черноводье

The poster features a man in the foreground, dressed in dark, ornate clothing, holding a large, antique-style axe. His right arm is extended forward, revealing a glowing blue, ethereal energy or flame emanating from his hand. Behind him, a woman with long brown hair and a blue headband looks off to the side. They are standing on the deck of a ship, with a dark, stormy sea and a forest of tall evergreen trees in the background. The entire scene is framed by a decorative border with a digital, binary-like pattern.

Александр Зимовещ

Александр Зимовец

Черноводье

<https://litres.ru/74207122>

Аннотация

Два года назад рухнули все мои надежды: я не смог вернуться в свой мир, потерял любимую и столкнул целое графство в бездну хаоса. Теперь я наемный охотник за нежитью и заодно – государственный преступник в бегах. Но участие в морской экспедиции вдоль побережья Чернолесья станет для меня шансом исправить часть моих ошибок. Если только я не сделаю новых, еще более страшных. Где-то там, в мрачных глубинах Черноводья, ждет заброшенный город Урд, Какие секреты он скрывает, и точно ли я хочу их знать?

Это вторая книга цикла «Черные сны».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Пролог

*Сколько муки и разлада
Позади и впереди!
Ничему душа не рада,
Бесполезным сгустком хлада
Сущая в моей груди!

И тоска – повсюду та же!
До конца – самоотчет!
Корабли без экипажей
И слепца в дорожной сажке –
Ничего их не спасет.

Все в тревоге и в тревоге,
А душа веришит вдали
Труд бессмысленный, убогий –
Умер путник на дороге
И пропали корабли.*

Фернандо Пессоа.

Он ждал.

Кто-то мог бы сказать, что ожидание было очень долгим, но здесь все зависит от точки зрения. Пятьсот лет – невыразимо огромный срок для того, кто умрет через пятьдесят. Для бессмертного же – это просто возможность передохнуть и задуматься о дальнейших планах.

Перед ним была дверь. Казалось бы, с его мощью любая дверь, будь она сделана хоть из алмаза, должна быть сущим пустяком. Но эту дверь он не мог открыть самостоятельно. Он знал. Он пытался. Дверь можно было отпереть только с той стороны. Впрочем, он не отчаивался.

Он знал, что рано или поздно к нему зовут. Такая сила не может вечно пропадать в неизвестности. Одним фактом сво-

его существования она меняет мир, прогибает его под себя, как свинцовый шар – натянутую ткань. Все всегда жаждут заполучить эту силу себе.

Именно так он и появился на свет – из жажды власти людей, готовых на все, чтобы эту жажду утолить. Из боли и смерти тех, кто ушел в небытие и призвал его оттуда.

И теперь его заключение было лишь краткой остановкой на пути к новым вершинам. Пускай, дверь крепка. Пускай, за ней есть еще целая анфилада дверей. Он знал, что там, за всеми этими дверями кто-то ищет путь в его темницу. И не просто ищет – уже нашел. Там, на другом конце анфилады, в замочной скважине самой первой двери уже поворачивается ключ.

Щелк!

Глава 1

Ночь выдалась прохладной, и ступать босыми ногами по земляному полу амбара было зябко. Темные стены перед глазами плясали, словно во время землетрясения, а в голове звучала разудалая мелодия, наигранная на свирели, топот ног, разгоряченное уханье.

На самом деле, на флейте никто давно уже не играл, а вся деревня погрузилась в пьяный, беспокойный сон. Мне бы тоже не мешало выспаться: прошлую-то ночь я провел на ногах, выслеживая гигантского илового жупела. Вот только сейчас очень хотелось пить: не привык я еще к местной браге. Если бы не подкрученное сопротивление ядам, наверное, слег бы от алкогольного отравления. Нелепая смерть для охотника за нежитью.

Прошедший вечер и ночь запечатлелись в моей голове ворохом ярких картинок.

Вот староста богатого прибрежного села, которому я привез уродливую рогатую голову жупела, обнимает меня, как родного сына, и требует немедленно расстелить прямо на берегу скатерку и выкатить из погреба бочку грушницы. Его радость понятна: эта тварь сожрала уже трех рыбаков вместе с лодками, и из-за нее вся деревня сидела на берегу в пору, когда самый лов.

Вот я подношу к губам большую щербатую глиняную

кружку, чувствую исходящий от ее содержимого запах подгнивших груш и сивухи и отчетливо говорю себе, что надеюсь сегодня в кашу, и гори оно все синим пламенем.

Вот, уже изрядно захмелевший, я отплясываю, делая неуклюжие коленца, под простенькую мелодию, в которой мне отчего-то все время слышится «Ведьмаку заплатите чеканной монетой». Староста при этом отчаянно прихлопывает, едва не валясь со скамьи на пол

Вот пышная старостина дочка, раскрасневшаяся от выпитого и от танцев, говорит, что мама ей советовала держаться от егерей подальше, а то они, дескать, все грубияны и так и норовят сорвать нежный цветок девичьей невинности. Я же, в свою очередь, заплетаясь языком уверяю ее в том, что долг егеря – защищать простой народ, и в моих руках ее нежный цветок будет в полной безопасности.

Вот я, с отяжелевшей, словно котел, головой бреду вслед за дочкой, пообещавшей показать чудесную лошадь своего батюшки, но оказываюсь отчего-то не на конюшне, а в амбаре, где тут же, позабыв о долге егеря, принимаюсь яростно срывать пресловутый цветок, который, впрочем, оказывается сорван еще до меня.

И вот, наконец, после всех этих безобразий, усталый, с больной головой, я склоняюсь над бочкой, опускаю в нее лицо и жадно пью пахнущую деревом и ржавчиной дождевую воду, чувствуя, что ничего вкуснее не пил в своей жизни никогда.

Я поднял от бочки голову и прислушался. Меня смутил какой-то звук, не очень уместный сейчас. И даже не один звук, а целой сочетание: храп лошади, едва слышные голоса и что-то еще, какой-то тонкий, давно не слышанный звон.

Помотав головой, я попытался сконцентрироваться. Голова все еще гудела, не желая работать, как следует.

Вот уже два года я жил двойной жизнью. Одна из ее сторон была известна всем моим новым знакомым. В ней я был Матеусом из Кирхайма, странствующим охотником на нежить, слегка угрюмым и отчужденным, но не более чем это свойственно чернолесским егерям, которые, как известно, всегда держатся наособицу. Но была у медали моей жизни и вторая сторона, на которой было начертано: Руман из Брукмера, убийца, смутьян, государственный преступник. Триста крон за мертвого и шестьсот – за живого.

Эта сторона моего бытия заставляла меня нигде подолгу не задерживаться, хотя однажды в МордLINE мне предлагали стать штатным егерем на очень соблазнительных условиях. По этой же причине я редко общался с теми, кто знал меня раньше: к Максусу на север так и не подался, в Кернадал тоже не наведалься ни разу. Однажды только послал с okazji письмо Сергею, но ответа на него не ждал, так как писать мне, собственно, было некуда.

Была еще, правда, у меня и третья жизнь, в которой я был Ромой, студентом журфака и видеоблогером, но о ней я предпочитал по возможности не вспоминать. Лишь ино-

гда мне снилось, что я записываю новый ролик или гуляю с девушкой в Ботаническом саду. Просыпаться после этого в пропахшей потом и овчинами хижине было тяжело и противно, словно падать в смердящее гнилью болото. И вот что интересно, проснувшись, я никогда не мог вспомнить хорошенько, кого же видел во сне: Алину или Киру?..

Но сейчас к моему мозгу отчаянно взывала, требуя сосредоточиться, именно та, вторая сторона моей личности, где я был преступником в бегах. Что-то она такое учуяла своим нюхом загнанной в угол крысы. Точнее – услышала.

Я вздрогнул. Это был звон кольчуги.

Осторожно, стараясь не привлечь ненужного внимания, я сделал несколько едва слышных шагов и выглянул из дверей амбара, держась слегка дрожащими руками за холодный чуть подгнивший косяк. За окном уже брезжил туманный рассвет. Возле плетня стояли трое всадников в металлических нагрудниках и шлемах-морионах. За их спинами стелились на лошадиные крупы белые плащи, похожие на не слишком чистые простыни.

Я невольно прикусил губу. Весь хмель словно выдуло из меня холодным ветром. Пальцы сжали дверной косяк, вырвав из него с хрустом тонкую щепку. Орден василиска! И так далеко от орденских земель!

Одной из задач Ордена была поимка государственных преступников, обретающихся на землях Брукмера и окрестностей. И разумеется, Руман из Брукмера занимал почетное

место в их списке. Вот только местоположение означенного Румана едва ли могло быть кому-то в Ордене известно. Да и от брукмерских земель здесь было далековато.

Рыцари ордена могут так далеко забраться в двух случаях: либо едут с посольством в Кирхайм, либо прибыли со спецоперацией. Если первое, то они, вероятно, остановились спросить дорогу – и скоро двинутся дальше. Если же второе – то дело плохо. Очень плохо.

На груди одного из гостей, высокорослого и жилистого, с чеканным орлиным профилем, сверкнул серебряный медальон полноправного орденского брата. Спутники его, мои ровесники, были, видимо, послушниками.

Перекинувшись несколькими словами со старостой, сирым от выпитого и едва держащимся дрожащими руками за плетень, они соскочили с коней и тяжелой походкой dospешных воинов направились прямо в мою сторону. Я невольно отступил в тень, стараясь не показать своего присутствия. Сердце застучало набатом.

Так, спокойно. Их всего трое. Они идут без опаски. Видимо, из разговора с едва ворочающим языком старостой они уяснили, что я сейчас валяюсь пьяный и никакого сопротивления оказать не смогу. Лошадей оставили привязанными к плетню. У меня есть преимущество – нужно только его не растерять.

Вдохновленный этой мыслью, я в несколько шагов преодолел расстояние до противоположных дверей амбара.

Одежду забирать не стал – не до нее сейчас, наживем новую. А вот мешок с пожитками и крикет, на мое счастье, остались прямо здесь, в углу. Будь они в доме у старосты, пришлось бы с ними проститься, а к оружию я уже очень привык. Этот небольшой топорик, в рукоятке которого пряталось пистолетное дуло, я отхватил по случаю в Брукмере в самом начале своих скитаний, и ни разу об этом не пожалел. Отличная штука, жаль было бы потерять.

Десяток-другой торопливых шагов босыми ногами по мокрому от росы двору – и я уже на конюшне, где меня ждет отдохнувший – не в пример мне – Джип, то и дело легонько бодающий массивными рогами перегородку.

- Привет, дружище! Соскучился? Ничего, сейчас весело будет, - прошептал я, и баран в ответ издал дружелюбное блеяние, по счастью, не слишком громко.

В голове у меня заработал невидимый таймер, отсчитывая секунды. С каждым шагом, который мои преследователи делали по направлению к амбару, секунд этих у меня оставалось все меньше. Тик-так, тик-так.

Так, этот ремешок сюда, этот продеть вот здесь. Тик-так, тик-так. Вот они подходят к дверям. Вот осторожно крадутся к сеновалу, обнажив мечи. У кого-то из них, должно быть, и пистоль найдется. Еще несколько секунд, и они поймут, что никого, кроме утомленной полуголой девицы, в амбаре нет. К этому времени мне нужно успеть оседлать Джипа. Я успею – не впервой.

На секунду меня остановила мысль: а может быть, ну его? Убегать, прятаться, спасать свою жизнь – чего ради? Я чужой в этом мире, и всегда буду чужим. Может быть, будет лучше, если меня повесят возле Карнарских ворот Брукмера, да и дело с концом?

Но ответом на эту мысль был приступ ярости, заставивший меня сжать кулаки и едва не разорвать прочную подпругу. Нет уж! Хрен вам! Заперли меня в этом провонявшем луком и кровью Средневековье, превратили в какого-то говночиста с ружьем наперевес, так я назло вам не опущу руки! И найду – видит Бог, найду! – отсюда выход и покажу вам, где иловые жупелы зимуют!

Подобные приступы буйного гнева случались со мной нередко – обычно после них наступали периоды апатии, когда я лежал по неделе на каком-нибудь постоялом дворе, выбираясь из комнаты только для того, чтобы надуться дешевым пивом.

Мне ужасно хотелось опуститься, спиться, забыть, кто я такой, что я наделал, превратиться в обыкновенного здешнего жителя – только с голубым огненным лезвием, вылетающим из запястья. Это казалось ужасно соблазнительным: жить без сосущего чувства вины, вот только я не знал, реально ли этого достигнуть, не убив по дороге печень.

Сейчас, однако, было не до депрессии: со стороны амбара уже доносились возбужденные крики и топот подкованных сапог. Секунды, которые отсчитывал мой воображаемый

таймер, подошли к концу: нужно было делать ноги немедленно.

Я вывел барана во двор и одним прыжком взобрался на его спину. К тому моменту, когда из-за сарая выскочил один из орденских послушников, я уже был в седле и мог безбоязненно продемонстрировать ему неприличный жест, после чего перемахнул через плетень и понесся во весь опор. Вдогонку мне раздался выстрел, и пуля чиркнула в листве где-то далеко у меня за спиной.

Прохладный ветерок раздувал волосы и выгонял из меня остатки хмеля, а вместе с ними – мрачные мысли. Мне даже захотелось спеть что-нибудь веселенькое. К полудню я уже буду в МордLINE, там сяду на паром и поплыву на другой берег Кира – только меня и видели орденские. Что ни говори – дело обернулось куда лучше, чем могло бы. Застань они меня и в самом деле спящим...

Однако, как они меня нашли? Не так уж много людей знает, где скрывается один из главных государственных преступников, Руман из Брукмера. Ладно, этот вопрос мы еще разьясим. И со старостой тоже поквитаться бы заодно. Я ему, значит, рискуя жизнью, добывал из-под коряги жупела, а он вот так запросто сдает меня Ордену. Не он ли и навел на меня? Узнал откуда-то, специально заманил в свою деревню, напоил, девку подложил... Узнаю, все узнаю, дай только срок.

Джип несясь вперед во всю прыть, деревня уже скрылась за

поворотом, а звуков погони не было слышно. Я приподнялся над холкой барана и подставил лицо поднимающемуся из-за сосновых верхушек солнцу. Да! Я их сделал! Их-ха!

Кажется, последнюю реплику я выкрикнул вслух, легонько хлестнув Джипа. Прикосновение первых солнечных лучей было теплым и нежным, хотелось закрыть глаза и подставить им лицо. Верный признак того, что день будет хорошим.

Дорога в этом месте круто сворачивала вправо. Я завернул за поворот и в следующую секунду едва не вылетел из седла: пришлось поднять барана на дыбы, отчего он жалобно вскрикнул, замолотив передними копытами в воздухе.

Рогатки, перегородившие дорогу. Дула мушкетов, упершиеся прямо в меня. Треск тлеющих фитилей. Десяток алебард, вытянувших хищные лезвия в мою сторону. Приехали.

– Оружие на землю! – скомандовал стальной голос откуда-то из-за частокола алебард. – Одно движение – и мы даем залп.

Секунда ушла у меня на то, чтобы оценить шансы. Шансы были паршивее некуда. Как бы ни была крута защитная матрица, дарованная мне Луцианом, ни раствориться в воздухе, ни ловить руками пули она не позволяла. Я поморщился, как от зубной боли, и бросил крикет на землю, после чего осторожно, держа руки на виду, слез со спины барана.

– Похоже, здесь наши с тобой дороги расходятся, дружище, – сказал я своему странному скакуну, пока несколько ор-

денских кнехтов с обнаженными мечами медленно, с опаской приближались ко мне.

Солнце все еще освещало теплыми лучами мое лицо, но теперь их прикосновение показалось мне издевательским. Краски вокруг словно померкли, насыщенная зелень вокруг посерела, словно я оказался в Чернолесье. Подошедший первым кнехт упер лезвие меча мне в горло, а второй рукой схватил поводья Джипа, испуганного и вот-вот норовившего рвануться вперед.

– На колени! – скомандовал все тот же голос, обладатель которого не спешил показаться из-за рогаток. – Руки за голову!

Мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Господи, как глупо все вышло!

Глава 2

Повозка ехала медленно, отчаянно скрипя обеими осями на ухабистой дороге. От тряски ржавые цепи, которыми меня приковали для верности аж к четырем скобам на телеге, издавали монотонный нудный звон.

Моросил мелкий противный дождь, скрыться от него было невозможно, и грязная рубашка все сильнее напитывалась водой. Мне было уже все равно. Ну, простужусь. Положим, даже схвачу воспаление легких. Все равно, умереть от него не успею.

От скуки я то и дело начинал придумывать различные планы побега, и сразу же признавал их никуда не годными. С цепями, на первый взгляд, было проще всего: я мог пережечь их своим лезвием. Вот только на практике это было не так-то легко: лезвие – не джедайский меч, в секунду толстую цепь не перережет. Если же начать резать на глазах у конвойных – сразу схлопочешь прикладом в рыло и для верности – кольчужной рукавицей по хребту. Кнехты, кстати, не сводили с меня глаз: в любую секунду я был под присмотром не менее трех человек.

Положение было безнадежным. Пожалуй, впервые я серьезно пожалел, что не стал качать магию: какой-нибудь хитрый амулет мог бы сейчас меня выручить. Но чего нет – того нет. За два года, прошедших со времен моего бегства из

Брукмера, я прокачался до четырнадцатого уровня, но умения предпочитал брать те, что непосредственно помогают в работе.

Улучшил регенерацию – и теперь мог бы за день превратить рваную рану от когтей мертвожорки в аккуратный и где-то даже красивый шрам. Развил восприятие, и сам поражаюсь тому, насколько далеко могу услышать даже шепот. Дважды улучшал «Энциклопедию нежити», пополнив ее знаниями об обитателях болот, рек и морского побережья. Все это, как видите, оказалось совершенно бесполезным против полуроты орденских кнехтов.

Допрос, который мне устроили при поимке, был недолог. Связав руки и приставив к горлу меч, меня поставили на колени перед тем самым верзилой с серебряной застёжкой. Каркающим голосом он задал несколько формальных вопросов: кто я таков, откуда родом, что делаю в этих землях.

Я, разумеется, ответил, что я Матеус из Кирхайма, родом я оттуда же, откуда все егеря, что вот уже год брожу по этим землям и извожу нежить, как того требует королевский указ, и ни в каких незаконных делах не замешан, упасите меня Мученики!

После этого я получил несколько хороших ударов под дых и предложение сознаться в том, что я в действительности государственный преступник Руман из Брукмера. В ответ на это я, конечно же, вытаращил глаза и со всей возможной убедительностью стал уверять, что Румана из Брукмера даже ни-

когда и не видел, только слышал о нем, призывал в свидетели всех восьмерых Мучеников, но никакого эффекта это не возымело. Орденские точно знали, кого пришли ловить, и ничуть не сомневались, что достигли цели. Бросившись бежать, я себя, конечно, выдал. Потому меня без лишних разговоров приковали к телеге и ускоренным маршем направились по тракту в сторону Брукмера.

На протяжении пути никто из солдат не разговаривал со мной, даже допросов больше не было. У меня сложилось впечатление, что они имели соответствующий приказ: даже когда я пытался спросить что-нибудь, на меня демонстративно не обращали внимания, а в ответ на любое резкое движение я получал чувствительный тычок древком алебарды. Пару раз в день, на привале, мне выдавали полкраюхи хлеба и чашку грязной воды – все это тоже в полном молчании.

Когда мы проезжали через деревни, местные жители косились на меня испуганно, а некоторые – со скрытым сочувствием. Орденских побаивались. Говорят, с тех пор, как армия Ордена полгода назад овладела Брукмером, редкая неделя обходится там без нескольких казней.

Горькая ирония заключалась в том, что Орден Василиска, можно сказать, возник благодаря мне. После того, как я зарубил брукмерского маркграфа, не имевшего наследников, за его титул развернулась жесточайшая борьба, едва не утопившая все графство в крови. Началось все с того, что капитан мушкетерского полка – мой бывший командир – объявил

себя местоблюстителем престола с явным намерением этот престол занять. Однако подобное не входило в планы регента, герцога Волькенбергского, который немедленно прислал в Брукмер в качестве нового маркграфа своего дальнего родственника.

Если бы ситуация в королевстве в эту пору была стабильной, этим бы все и закончилось, потому что кто такой капитан провинциального полка против регента? Пыль под ногами. Однако капитан вместо того, чтобы смиренно подчиниться, арестовал регентского ставленника под надуманным предлогом, а его светлости в столицу написал письмо, весьма вежливое по форме, но ужасно наглое по содержанию. Суть сводилось к тому, что ежели его светлость не желает видеть его, капитана, новым маркграфом, то с его арестованным родственником могут произойти разного рода неприятности.

Его светлость, занятый в это время войной с герцогством Каруинским, не имел войск для того, чтобы приструнить возомнившего о себе капитана. Но и оставить случившееся без последствий тоже не мог. Он отправил на осаду Брукмера два спешно собранных полка ополчения. Взять город они не могли, но их хватило на то, чтобы установить блокаду и худо-бедно ее поддерживать.

Тем временем, в маркграфстве воцарилась форменная анархия: каждый городок и даже каждая деревня теперь сами могли решать, за кого они: за регента или за капитана,

пообещавшего, как водится, всем значительные вольности. Под это дело активизировались засевшие в лесах иеремиты, захватили три города и десяток деревень, начали формировать два регулярных полка.

Богатый прибрежный Крюстер и вовсе решил, что не желает участвовать во всей этой вакханалии, и объявил себя вольной республикой во главе с Конференцией двенадцати negociантов, и его светлости пришлось это проглотить.

Кончилось тем, что регент оказался перед неприятной дилеммой: из многочисленных бунтовщиков кому-то нужно было пойти навстречу, узаконить их права и их руками покарать остальных. Выбор его пал на иеремитов, как на самых отчаянных. Но прямо признать иеремитов после всего, что они натворили, было нельзя – это оттолкнуло бы всех остальных в маркграфстве. Регент поступил хитрее: учредил Орден василиска – чтобы, дескать, враги королевства обращались в камень при виде его адептов. В этот-то орден он и набрал тех из иеремитов, кто согласился «смиренно покаяться за прошлые прегрешения». То есть, всех, у кого хватило ума понять свою выгоду.

Магистром Ордена был назначен еще один регентский родственник, капитул составили частично из столичных вельмож, частично из иеремитских вождей, а в лен ему пожаловали все земли прежнего Брукмерского маркграфства.

В них-то мы и въехали через несколько дней пути. Заметить это было несложно – почти сразу же вдоль дороги стали

попадаться пожарища и наскоро сбитые виселицы. Сопровождающие мои повеселели и немного сбавили темп – они теперь были на своей земле и могли не опасаться нападения.

Из разговоров солдат между собой я узнал, что пленитель мой – барон Аркрис, знаменитый орденский охотник за головами, выходец и иеремитских разбойников. Кнехты отзывались о нем с уважением, к которому примешивалась заметная доля страха, как о суровом, о справедливом командире, известном сорвиголове. Впрочем, истории о его похождениях я слушал вполуха: было тошно, и чем дальше, тем глубже я погружался в пучину апатии.

Окружающий пейзаж весьма располагал к тому, чтобы закрыть глаза и разобраться с тем, что творится в моей собственной душе. Несколько дней, проведенные в оковах, примирили меня с неизбежным. Теперь оставалось только подвести итоги моего краткого пребывания в этом мире.

Следовало признать: последние два года я только и делал, что бежал от самого себя и от своего прошлого. Я бродил из деревни в деревню, пил по трактирам, иногда даже волочился за девицами: все это только для того, чтобы сделать вид, что все в моей жизни идет нормально. Но это было совсем не так: я страстно желал вырваться из этого проклятого мира, сделавшего меня убийцей и беглецом, подарившим мне Киру и тут же забравшим ее у меня. Я глушил свою боль: вином, скитаниями, приключениями, и вот теперь, перед самым концом, она снова вылезла из глубин моей души и стала

меня пожирать.

Раскрыв в очередной раз глаза, я увидел проплывающий мимо указатель: мы были всего в одной лиге от Крукстича. Там дорога повернет в Брукмер, и уже через пару дней за мной закроются городские ворота, и больше уже для меня не откроются. При этой мысли мне захотелось прикусить губу. Одиссея моя, казавшаяся сперва героической, заканчивалась позорно и нелепо. Я снова закрыл глаза. Мне уже ничего не хотелось видеть до самого Брукмера.

Но в ту самую секунду, когда я готов уже был проститься с миром навсегда, где-то за кустами оглушительно грохнуло, а затем раздался звук, словно в воздухе пронеслась огромная невидимая плеть. Звук этот было мне отлично знаком – это был залп из мушкетов. Один из кнехтов, шедших рядом с телегой, дернулся словно марионетка с запутавшимися нитками, и рухнул на телегу заливая ее кровью. Я тут же упал рядом с ним, прижавшись к грязному дощатому дну и ошарашенно вертя головой по сторонам – меня самого едва не задело.

Мгновение спустя из-за деревьев с криком ринулись люди в разномастных легких доспехах, вооруженные алебардами. На плащах у некоторых из них был вышит герб: бурый медведь на алом поле. Ошеломленные первым ударом ратники Ордена быстро приняли боевой порядок, и закипел бой.

Пользуясь тем, что моим тюремщикам стало не до меня, я выбросил синее лезвие, и начал медленно, старательно из-

бавляться от цепей. В металл лезвие входило с трудом, нагревая его и, то и дело, затухая. Мне приходилось сжимать руку до боли в пальцах, призывая его снова и снова. Одновременно нужно было следить, чтобы никто из сражающихся в пылу схватки не зарубил меня – случайно или просто для ясности.

Я понятия не имел, что за люди напали на орденский отряд, и зачем им я. Не исключено, что они и сами хотели бы выдать меня королевским приставам: шестьсот крон на дороге не валяются. Тем не менее, происходящее явно было последним шансом для меня избежать четвертования под стеной Брукмерского замка, и не использовать его было грешно. От моей апатии враз не осталось и следа: жизнь, с которой я только что прощался, вновь стала тем, за что стоит побороться.

Сбив кое-как две из четырех цепей, я смог скатиться с телеги в густую дорожную грязь и, спрятавшись под днищем, продолжил методично расправляться с оковами. Лезвие врезалось в металл, накаляя его и наполняя воздух кислым запахом окалины. Пространство вокруг было наполнено криками, лязгом стали, раздававшимися то тут, то там одиночными выстрелами. Лежа под телегой, перемазанный в черноте, я не мог знать, как складывается бой. Справа от телеги то и дело появлялись чьи-то сапоги, а слева повалился убитый кнехт с перерубленным лицом – вот и все, что я мог видеть.

Наконец, последняя цепь лопнула с печальным стоном, и я смог выглянуть из-под телеги и осмотреться. И очень не вовремя: стоило мне показаться снаружи, как пробежавший мимо кнехт устремил прямо мне в лицо древко алебарды, так что я едва успел увернуться.

Ухватившись за древко, я попытался рывком затянуть его под телегу, за что получил удар сапогом по руке и, зашипев, откатился под защиту повозки, выпрыгнув с противоположного конца.

Вскочив на ноги, я вызвал синее лезвие – единственное мое оружие теперь – и бросился на кнехта, стараясь поразить его быстрым выпадом. Тот, однако, оказался не промах – ловко увернулся, подставив мне подножку, так что мне пришлось уходить в кувырок, уворачиваясь от нового удара алебардой.

Мой противник – низкорослый усач средних лет, на привалах постоянно рассказывавший похабные истории и смешивший сослуживцев – явно рассвирепел, и был настроен убить меня, раз уж не удалось довести живым до Брукмера. Своим оружием он размахивал с такой быстротой и ловкостью, что я невольно подумал: будь против него прежний Рома, имевший в школе четверку по физкультуре, а в универе вовсе на нее не ходивший, у него не было бы никаких шансов.

Однако я уже не был прежним – и не только благодаря матрице Луциана. Три года, проведенные в опасном мире, не

прошли для меня даром, так что уворачиваться от взмахов алебарды мне удавалось. Но вот достать противника своим лезвием я никак не мог – тот не подпускал меня на расстояние удара.

Наконец, присев под очередным ударом, я отчаянно прыгнул вперед, выбросив перед собой лезвие, но кнехт метнулся в сторону и подкосил меня ударом древка. Я рухнул на влажную землю и успел лишь откатиться чуть в сторону, увидев взметнувшееся надо мной лезвие и осознав, что не успеваю ни подняться, ни уклониться от его удара.

Лезвие, однако, вместо того, чтобы обрушиться вниз и перерубить меня, бездоспешного, на две части, лишь дернулось и упало плашмя, со звоном ударившись об край телеги. Секунду спустя рухнул и кнехт зажимая руками рану на груди, оставленную топором подоспевшего воина в красном. Я оперся ладонями о раскисшую жирную землю и огляделся по сторонам.

Бой уже подошел к концу: большая часть кнехтов была мертва, а барон и один из послушников с залитым кровью лицом были безоружны, и их весьма грубо обыскивал бородатый мужчина с дымящимся мушкетом за спиной.

- Не задели мы тебя, ваше инородие? – услышал я знакомый, чуть картавящий старческий голос. Привалившись к массивному дубу с пробитой пулей корой, на меня слегка насмешливо смотрел одетый в алый плащ с медвежьим гербом Матеус Бажан.

Глава 3

Порт Крюстера еще за две сотни шагов от воды окатывал каждого, кто приближался к нему, целой волной запахов. Здесь пахло соленой горечью морской воды, смолой, рыбой, нечистотами и чем-то еще, трудноуловимым: смесью всех товаров, разгружавшихся здесь, от специй до бычьих кож.

Мы с мэтром Бажаном шли вдоль линии портовых построек, щурясь от солнца, медленно поднимавшегося из-за моря. Работа в порту с утра уже кипела: несколько грузчиков катили мимо нас какие-то бочки в недра тяжелого когга – одного из дюжины выстроившихся у причалов. Чуть дальше отчаливал запоздавший на утренний лов рыбацкий баркас. Медленно доворачивала к причалу каракка под палатинским флагом, а в дали на рейде виднелись несколько боевых каравелл – все военно-морские силы Крюстерской республики. Мне кажется, Бажан специально повел меня этим путем – хотел продемонстрировать торговую республику во всей красе.

– И вот, значит, в самую-то пору, – медленно, с достоинством проговорил негоциант, – когда стали собирать ополчение, – вышло, что ни у кого из местных наличных денег и на роту не хватит: векселей-то довольно и товаров, да разве наемникам векселями заплатишь? А я как раз тогда ткани сбыл – много монеты на руках было. Дай, думаю, помогу людям хорошее дело сделать – прихожу на Конференцию, давайте,

господа, я на свои деньги две роты снаряжу.

Они-то сперва, негоцианты местные, отнеслись с опаской: человек я не местный, мало ли что? Но делать-то нечего: согласились, так я и стал здесь навроде сенешаля или маршала.

Бажан усмехнулся и покачал головой.

– Вот уж чем привелось заняться на старости лет, – продолжил он с улыбкой. – Расскажи мне кто год назад, что я буду войсками командовать, на смех бы поднял. Да и грех сказать: маршал над двумя ротами.

– И как, тяжело? – спросил я.

– Не столько тяжело, сколько муторно, возни много, – Бажан раздраженно сплюнул. – То перепьется кто, то обоз разграбят, то пороха нет, то провизии – одна морока.

– Да разве в торговых делах не то же самое? – улыбнулся я.

– Так ведь с торговых дел прибыль есть! – покачал головой Бажан. – А тут одни убытки!

Мы помолчали немного. Солнце уже начинало робко припекать, а мы, тем временем, миновали порт и свернули к рыбному рынку, в этот час почти пустынному.

– Вы же не просто так меня вытащили? – задал я вопрос, волновавший меня с того самого момента, как с моих рук сбили цепи. Вот уже пятый день я был на свободе, но Бажан, в доме которого я поселился со вчерашнего дня, все уходил от ответа на этот вопрос, хотя явно имел что-то на уме.

– Ну, во-первых, мне в любом случае было приятно тебя освободить, – проговорил Бажан с расстановочкой. В речах

его появилась важность, которой я не замечал в те времена, когда он был странствующим торговцем, а не сановником. — Все-таки, и ты мне однажды жизнь спас, а Мученики заповедали нам помнить свои долги.

Я вопросительно взглянул на него. Сказанное явно предполагало наличие какого-то «во-вторых».

— Во-вторых, меня просил о вас егермейстер Сергей через своего посланника, — продолжил Бажан. — А расположение господина егермейстера для нашего города не пустой звук. Пусть он и не решается пока открыто поддержать независимость Крюстера, что вполне понятно в его положении, но, я надеюсь, помощь тебе он оценит по достоинству.

Я кивнул. Слова Бажана звучали вполне разумно, но за ними явно маячило какое-то «в-третьих».

— Нда, ну и в-третьих... — он немного замялся. — Есть одно дело. Думаю, только ты нам в нем можешь помочь.

— Только я? — я вопросительно взглянул на Бажана.

— Видишь ли, в таком деле нам не обойтись без егеря, — ответил он. — А дело очень важное, от него зависит будущее республики, ни много, ни мало. Мы обращались к Сергею, просили, чтобы он прислал кого-то из своих. Но он боится, что такой шаг сделает его врагом Ордена. Его можно понять: ленные права на Кернадал дарованы ему маркграфом. Коль скоро маркграфа теперь нет, а его место занял Орден — стало быть. Он должен Ордену присягнуть или лишиться крепости. А он ни того, ни другого не хочет, вот и вынужден

вертеться.

Я покачал головой, давая понять, что Сергею очень сочувствую.

– Тьфу, сложно все это, – Бажан скривился, словно проглотил горькую пилюлю. – Насколько проще было раньше. Ну, зачем, зачем ты все это устроил, а?

Я опустил глаза, словно школьник, не сделавший домашку.

– У меня не было выбора, – ответил я. – Вы не все знаете...

– Да уж один Вседержитель все знает, конечно же, – проворчал Бажан, давая понять, что ссылки на неведомые егерские секреты ему выслушивать неприятно.

– Кстати, вы сказали, что у Сергея здесь есть представитель, – сказал я минуту спустя, чтобы как-то переменить тему.

– Есть, конечно же, – ответил он. – Собственно, мы к нему сейчас и направляемся. Вернее, к ней.

Я не успел задать Бажану никакого вопроса – уже в следующую секунду сзади на меня набросились с объятьями и крепко прижали к себе две тонкие руки.

– Ромка! Как я рада, что ты живой, ты просто не представляешь! – услышал я голос Ланы возле своего уха. Обернувшись. Я увидел ее – снова в мужском наряде, но теперь это был парадный зеленый камзол и узкие шоссы с туфлями. Длинные волосы Лана убрала в хвост, и это делало ее отчасти похожей на некоторых корабельных офицеров-щеголей,

которых мне доводилось видеть в порту. Пожалуй, некоторые могли бы ее здесь принимать и за мужчину, если бы не голос, мягкий и женственный.

– Я тоже рад тебя видеть, – ответил я, улыбнувшись волшебнице. – Как ты? Что подделываешь?

– Ой, всего не пересказать! – Лана выпустила меня из объятий и оглядела с головы до ног.

– А ты как-то... старше стал, что ли, – проговорила она. – Или это просто оттого, что небритый?

Я с ухмылкой поскреб десятидневную щетину на своей щеке. Да уж, станешь тут старше!

– Ну, да, – ответил я. – Думал, чего бриться, если голову все равно оттяпают?

Лана, улыбнувшись, взъерошил мне волосы.

– Ну, хватит унывать, – мягко проговорила она. – Руки у них короткие, голову тебе отрубить. Твоя голова тебе еще пригодится, да и нам тоже.

Эти слова вернули меня к тому вопросу, ответа на который я никак не мог получить от Бажана: чего же они все от меня ждут?

– Так куда мы теперь направляемся? – спросил я, обращаясь к Лане. – Все утро сегодня допытываюсь у господина Бажана, а он лишь только обмолвился, что теперь все в сборе и можно поговорить. Кто «все»-то?

– Ну, во-первых, одна из этих всех – я, – ответила Лана с улыбкой. – Три дня моталась по окрестностям, собирая

кое-что из припасов, устала страшно, только вчера вечером в Крюстер вернулась. Даже вот к тебе не заехала – сил не было. Что до остальных... скоро сам увидишь, мы уже пришли.

С этими словами мы спустились в темное нутро портового кабака, над дверями которого помещался корабельный штурвал, разохшийся и треснувший. По утреннему времени общая зала была почти пуста: рыбаки с утреннего лова еще не вернулись, а загулявшие на всю ночь матросы уже вымелись.

Лишь в чистой комнате «для благородных господ», отделенной от общей залы тяжелой дурно пахнущей портьерой, куда нас проводил низко поклонившийся Бажану низкорослый бородатый хозяин с алым платком на голове, сидели за столом и видимо скучали трое мужчин.

Один из них был молод – едва ли не моложе меня. Стройный и чисто выбритый, с густыми черными волосами и огромными серыми глазами, в ладном шитом серебром камзоле он смахивал на аристократа или богатого купеческого сына.

Второй, напротив, был уже в годах, худой и краснолицый, он чем-то напоминал Бажана, если бы только его как следует обдуло всеми четырьмя ветрами.

В чертах третьего, смуглого красавца с аккуратно подстриженной бородкой, сосредоточенно вертевшего в руках монету с профилем его величества, время от времени подбрасывая ее, было что-то явно неместное. Исходя из земно-

го опыта, я бы сказал, что он смахивал на испанца или итальянца, в то время как местные жители больше походили на обитателей севера Европы.

– Вот, господа, позвольте представить вам господина Румана из Брукмера, – произнес Бажан, присаживаясь на лавку напротив троицы. Я невольно вздрогнул и едва не дернулся, чтобы закрыть Бажану рот – настолько я отвык от этого имени. Впрочем, теперь, кажется, скрываться уже не было смысла.

Все трое подняли на меня глаза и внимательно осмотрели. Кажется, первый был рад, что я оказался столь молодым человеком, а остальные двое – не слишком.

– Это господин Эрвин Эрт, судовладелец, – указал Бажан на молодого. Тот коротко и с достоинством поклонился.

– Это Руперт Дрикер, прекрасный капитан, – продолжил он представление, и второй ответил мне легким наклоном головы.

– Это господин Морионе, – кивнул Бажан в сторону третьего.

– Лейтенант Морионе, – равнодушно процедил сквозь зубы смуглый.

– Лейтенант Морионе, – поспешно поправился Бажан. – Что ж, теперь все в сборе, и можно начинать.

Лана уселась за стол напротив троицы и хлопнула ладонью по скамейке рядом с собой, и я опустился там, а Бажан – по другую сторону от нее.

– Вы позволите, господа, если я кратко введу господина Румана в курс дела? – спросил Бажан. – Он в Крюстере человек новый, и совсем не знаком с нашим положением. Господин Дрикер, не достанете карту? Так будет сподручнее.

При этих словах капитан снял с пояса кожаный тубус и аккуратно извлек из него свернутую в рулон выцветшую карту, на которой я узнал изображение Монланда – континента, на котором мы находились. Расположенный к востоку, за Изумрудным морем, Сунланд, был изображен лишь частично – только его западное побережье.

– Ты ведь умеешь читать карты, верно? – обратился ко мне Бажан.

В прежние времена вопрос показался бы мне странным: примерно, как если бы меня спросили, умею ли я есть вилок. Однако за три года в средневековом мире я привык к тому, что некоторые естественные для меня способности – включая, кстати, и умение есть вилок – почитаются тут за признак высокой образованности, так что просто коротко кивнул.

– В таком случае, смотрите. Крюстер находится вот здесь, почти в самом центре Полумесяца. Это прекрасная позиция – по крайней мере, она была таковой, пока не появилось Чернолесье. В те времена Крюстер был важнейшей гаванью: здесь останавливались корабли, что везли меха, пеньку и руду из Тарсина в Карнару и дальше в Ансо.

Теперь же тарсинские купцы везут свои меха через море в

палатинские порты Графту и Синтиф, там их продают с хорошей наценкой, после чего часть из них отправляется на юг, в Вольные города – чаще всего, в Мону. В Моне их перепродают еще раз – к этому времени цена вырастает уже вдвое, а то и больше. Монские купцы накидывают еще процентов пятьдесят и везут меха в Карнару и Ансо, где те продаются уже за совсем невозможные деньги.

Понимаешь, да? От Крюстера до Тарсина всего триста лиг по прямой, но товары устраивают вот эту хренову карусель только из-за того, что маршрут вдоль побережья Чернолесья непроходим для судов.

– А он совсем непроходим? – уточнил я.

– Многие пытались, – мрачно буркнул Дрикер. Я взглянул на него и кивнул.

Да, в моей «Энциклопедии нежити» было кое-что об этом. Гигантские спруты из мертвой плоти. Черепахообразные существа размером с автомобиль с бритвенно-острыми наростами на панцирях. Огромные склизкие угри, способные раздавить лодку, обвинившись вокруг нее. Воды по берегам Чернолесья действительно были смертельно опасны, и неудивительно, что никто не ходил через них. Впрочем, не исключено, что существовал и некий безопасный маршрут, вот только пока его, как видно, никто не нашел.

– Ну, хорошо, а что вы хотите от меня? – спросил я.

– А ты еще не понял? – в голосе Бажана послышалось легкое разочарование. – Мы хотим организовать экспедицию.

Это огромный риск – и огромная прибыль в случае успеха. Если вам удастся привезти из Тарсина груз мехов в обход всех посредников, это даст прибыль в сорок концов. Денег хватит на то, чтобы доставить из Графты или Моны в Крюстер целый полк наемников с артиллерией и маркитантками, и тогда Орден со своими оборванцами не решится даже приближаться к нашим стенам.

– И это, все же не ответ на вопрос, зачем вам нужен я, – продолжил я настаивать.

– Потому что соваться в те воды без егеря – это самоубийство, – развел руками Бажан.

– Оно и так-то самоубийство, – буркнул Дрикер, барабана по карте грязными пальцами.

– О, бросьте, Дрикер! – господин Эрт беззаботно махнул рукой в тонкой кожаной перчатке. – Вы еще скажите, что боитесь всех этих сказок про Черную Каравеллу и воскресших дикарей Урда!

Дрикер в ответ соорудил недовольную гримасу, словно обнаружил в своем пиве упавшего с потолка паука.

– В общем, ты с нами? – спросил меня Бажан. Все присутствующие уставились на меня.

– Отказ, я полагаю, не принимается? – уточнил я.

– Нет, отчего же... – проговорил Бажан, скривившись. – Дело, как говорится, хозяйское, силой никто не потащит.

– До завтра можно подумать?

– Можно, – кивнул Бажан. – Корабль отплывает после-

завтра на рассвете. Кстати, Эрт, покажете его инородию корабль?

— С удовольствием, — кивнул юный судовладелец. — «Вестница рассвета» — чудесное судно, идеально подходит для экспедиции. Приходите завтра с утра — я буду присутствовать при загрузке и с удовольствием вам все покажу. Уверю, вы просто влюбитесь в нее, как увидите!

Я коротко кивнул Эрту — его энтузиазм начинал меня раздражать.

— Что ж, господа, я думаю, у нас всех есть еще дела сегодня, — произнес Бажан и с кряхтением поднялся из-за стола. — Я, главным образом, хотел, чтобы все, наконец, познакомились.

Собеседники стали подниматься вслед за ними. Эрт на прощание протянул мне руку, Дрикер коротко поклонился, Морионе же удостоил только оценивающим взглядом, после чего подкинул монетку к потолку, ловко поймал и повернулся на каблуках.

— До скорого, — Бажан улыбнулся уголками губ. — Вы давно не видались, вам, должно быть, есть о чем поговорить.

С этими словами он как-то со значением кивнул Лане и направился к выходу вслед за остальными.

Глава 4

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – спросила меня Лана, когда мы остались в кабаке наедине, если не считать хозяина и какого-то оборванца у стойки, похоже, клянчившего кружку бесплатно.

– Я согласен с капитаном, – ответил я. – Все это полнейшее безумие и верная смерть.

– А если я скажу тебе, что пройти там вполне реально?

– Тогда я поинтересуюсь, откуда проистекает твоя уверенность.

– Никто никогда не ходил через эти воды с опытным егерем, – ответила она. – Собственно, егерей, охотившихся на морскую нежить, до сих пор и не было. Но судя по тому, что я слышала здесь от тарсинских моряков,

– Слушай, у тебя есть перк на морскую нежить? – спросил я.

– Нет, – Лана покачала головой.

– А у меня, вот, есть, – ответил я. – Там такое вырастет в море, питаясь рыбой и планктоном, что ты себе просто представить не можешь. Если никто ни разу не прошел там, несмотря на все выгоды маршрута, значит, любой корабль там просто сожрут и все.

Я даже поморщился. Подстегнутый матрицей Луциана мозг подсовывал мне никогда не виданные мной в реально-

сти картины, одна страшнее и отвратительнее другой. Корабли, переломленные черными щупальцами пополам. Мерзкая зеленая слизь, затягивающая палубу. Огромная многоножка, оббившаяся вокруг мачты, издавая неистовый стрекот.

– Именно поэтому мы нужны этим людям, – твердо сказала Лана. – Ты же все слышал. От этого зависит судьба города. Я покачал головой.

– Знаешь, я очень благодарен и тебе, и Бажану, – ответил я. – Но лезть в пасть какому-нибудь десятиметровому спруту – это просто глупо и все. Если вы ради этого отбивали меня у орденских, то лучше было просто меня там оставить.

Я сглотнул и отвел глаза. Мне было очень противно.

– Честно говоря, я вообще не представляю, как уговорили на подобную авантюру всех этих людей, – продолжил я. – Ну, ладно, Эрт, кажется, просто не понимает, во что ввязался. Но капитан и лейтенант...

– Ни у кого из них нет выбора, – пожала плечами Лана. – Эрт потерял два корабля из-за пиратов. А точнее – из-за того, что он неопытный юнец, которому на голову свалился бизнес умершего папаши. Эта экспедиция – его последняя надежда поправить финансы и избежать банкротства. Дрикера Бажан вытащил из петли, куда он едва не угодил за контрабанду.

– А Морионе? – спросил я.

– Морионе со своими наемниками приплыл сюда полгода назад в надежде пожить в здешнем хаосе. Но Орден от

его услуг отказался, а власти Крюстера хоть и наняли его, но вот уже второй месяц не платят – нечем. Последний шанс для него не дать роте разбежаться и остаться командиром – это добыть деньги в Тарсине.

– Нда, я смотрю, положение тут у всех незавидное, – я невольно вздохнул.

– Именно, – кивнула Лана. – Послезавтра мы отплывем – с тобой или без тебя. Было бы лучше, если бы с тобой.

– Я только не понял, зачем это все тебе?

Губы Ланы сжались, вытянувшись в прямую линию.

– На самом деле, тебе это, может быть, даже нужнее, чем мне, – ответила она, подумав секунду.

Я вопросительно уставился на нее в ожидании продолжения.

– Видишь ли, – сказала она. – Первоначально Сергей меня отправил сюда собирать сведения. Большой порт, куда приходят корабли со всего Монланда и из Запроливья – отличное место для этого. И недавно у меня был один разговор, после которого я поняла: мне обязательно нужно вытащить сюда тебя и вместе с тобой отправится в Тарсин. Я-то и предложила Бажану эту экспедицию, как решение его проблем.

– Что же это был за разговор?

– Один странствующий монах, бродивший сперва по палатинским монастырям, а затем по тарсинским. Рассказывал множество всякого вздора: ну, знаешь, что они обычно говорят. Возле Графты, будто бы, плавает царь-рыба и говорит

человеческим голосом, а кто ее слышит – тот сходит с ума и прыгает в воду. В Моне статуя основателя города сошла с постамента и затоптала мздоимца из городского магистрата. В палатинские земли с севера вторгаются люди с медвежьими головами, похищают малолетних девок и творят с ними жуткие непотребства.

Но была среди всей этой хрени одна история... В общем, в женском монастыре под Тарсином сестрам, якобы стал являться дух Мученицы Евфимии. Является ненадолго – бледная, рыжеволосая, с дрожащим голосом – и говорит пугающие пророчества: будто бы грядет большая беда из Чернолесья, невиданное нашествие мертвых.

– Ты думаешь, что это?.. – я почувствовал, что мое сердце пропустило удар. Пожалуй, впервые за последнее время мне действительно было не все равно, что со мной происходит.

– А еще она говорит, что спасти Монланд может только егерь с синим камнем, – закончила Лана и посмотрела на меня, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

Кажется, я вздрогнул. Мои пальцы непроизвольно сжали покрытую жиром тяжелую занавеску, отделявшую комнату от общей залы, и едва не сорвали ее с карниза под потолком.

– Я плыву с вами, – тихо ответил я.

– Ну, вот она, моя красавица, – проговорил Эрвин Эрт, когда мы обогнули большой портовый склад и вышли к сто-

явшему у причала кораблю – трехмачтовой каравелле, черным силуэтом купавшейся в алых лучах восходящего солнца.

Вчерашний день я потратил на лихорадочные сборы в дорогу – благо, Бажан выдал мне денег из числа отобранных у орденского отряда. Приоделся, купил хорошего пороху, построил Джипа в бажановой конюшне – на борту ему, конечно, делать было бы нечего. И вот теперь, в новом синем берете и прочной кожаной куртке шел осматривать корабль, уверенный, что на земле меня больше ничего не держит.

– Творение лучших ансуйских мастеров, – продолжил Эрт с такой гордостью, словно он самолично прибывал к килю каждую досточку. – Если есть на свете корабль, способный справиться с этим походом, то он перед вами!

– А вооружение какое? – спросил я.

– Вы имеете в виду парусное вооружение? – уточнил Эрт. – Как видите, косые паруса на фок- и грот-мачтах, и я уже здесь в Крюстере достроил бизань...

– Нет, я имел в виду оружие, – мягко прервал его я. – В парусах и прочем мореходном деле я ничего не смыслю, и оставляю это вам с капитаном. А вот что касается боя...

– О, с этим тоже все превосходно, – усмехнулся Эрт. – Два фалконета на носу, еще один – на корме. Кроме того, по четыре легкие пушки на каждом борту.

– Солидно, – произнес я. Надо сказать, историей флота я никогда не интересовался специально, но из приключен-

ческих книжек и игр про пиратов знал, что в земной истории бывали корабли с вооружением за сотню пушек, на фоне которых каравелла Эрта выглядела бы рыбацкой шаландой. Впрочем, для Монланда подобные монстры, по-видимому, были делом далекого будущего.

На борт мы взошли по неширокому скрипучему трапу, сразу же столкнувшись на палубе с капитаном Дрикером, отвесившим мне и Эрту дежурный короткий поклон.

– Все ли благополучно? – с важным видом осведомился судовладелец.

– Как сказать, – ответил капитан, сплюнув за борт. – Порох грузить закончили, сейчас идут съестные припасы. К вечеру все будет по трюмам размещено и увязано. Из матросов двое дезертировали, я отправил доложить портовому начальнику, да без толку это – не сыщут, как и прежних.

– Ничего, ничего, команды еще хватит, – ответил Эрт. Капитан в ответ на его слова лишь кивнул и отошел в сторону, о чем-то заговорив с боцманом.

– Нда, бегут... – задумчиво проговорил Эрт, поморщившись. – Ничего удивительного: все эти суеверия...

– Вы, кажется, что-то говорили вчера про какую-то Черную Каравеллу? – спросил я, опершись на планширь и подставив лицо теплему послеполуденному солнцу.

– О, про здешние воды много легенд, – Эрт махнул рукой. – Говорят, к примеру, что сам Тихий Путник бороздит эти воды на каравелле с черными парусами и забирает с собой

тех из моряков, кого хочет видеть в своей команде. А прочих просто топят.

Я кивнул. Легенды о Тихом Путнике мне доводилось слышать и ранее: в местном фольклоре это было нечто среднее между Дьяволом и персонифицированной Смертью. Вот только раньше я, в основном, слышал истории о том, как он встретил кого-нибудь на перекрестке и увел за собой. Про его морские похождения я, живя вдали от моря, как-то не слыхивал.

– Говорят также, – продолжил судовладелец, – что где-то у берегов острова Стур под воду ушел целый город, и все его жители превратились в рыболюдей. Время от времени они, будто бы выходят на берег и нападают на все живое с костяными копьями, бормоча нечто нечленоразделенное. А то еще про русалок рассказывают...

– Что же, вы думаете, этого всего нет? – спросил я.

Эрт рассмеялся.

– Ну, разумеется, – ответил он. – То есть, я, конечно, не отрицаю, что здешние воды опасны. Ну, вам, как егерю, это, конечно, лучше моего известно: все эти монстры, таящиеся в глубинах. Но в них ведь нет ничего мистического. Они опасны, кровожадны, но их можно уничтожить. Так ведь?

Я кивнул.

– Стало быть, риск есть, но он оправдан, – удовлетворенно заключил Эрт.

– Грушевки бы столько не грузили, – опасливо проговорил

Дрикер, появившийся у нас за спинами. – Перепьются в пути ведь.

– В пути будем выдавать понемногу, – с достоинством ответил Эрт. – Это для того, чтобы отпраздновать прибытие в Тарсин.

– Так ведь до него еще доплыть надо в целости, – покачал головой капитан. – А коли доплывем, так на месте бы купили.

– Помилуйте, что вы говорите, Дрикер? – скривился Эрт. – Разве можно найти в Тарсине приличную грушевку? Там же отвратительное пойло, более похожее на медвежью мочу, чем на напиток, которым я и матросов поить не стану, не то что самому пить.

– Да и места-то лишнего нет, – проворчал Дрикер, покачав головой. – Вы б, может, ваше благородие, того, не ехали бы сами, а?

– Как же не ехать, ты шутишь?! – усмехнулся Эрт. – Чтобы вся слава тебе досталась и Морионе?

– Так-то оно так, – вздохнул капитан.

– А откуда у вас карты тех вод? – спросил я, чтобы увести разговор от щекотливой темы.

– Карты эти я в Синтифе купил, они со старинных срисованы, – ответил Дрикер. – еще с тех времен, когда Чернолесья не было, и этими водами суда ходили. В ту пору ходили-то больше на галерах, с невольниками на веслах. В Урде как раз невольников-то и продавали. Нехорошее место – этот

Урд, и тогда-то уже был. А сейчас и подавно.

– Бросьте, Дрикер, опять вы за свое, – поморщился Эрт. – Нет в том Урде ничего, кроме оставленных давным-давно зданий и множества брошенных сокровищ. Я, кстати, рассчитываю остановиться там на несколько дней и хорошенько перетрясти.

– Не стоило бы, – покачал головой капитан. – Я бы вообще туда в пролив не заходил, а прошел бы восточнее, вдоль другой оконечности острова.

– Что вы такое говорите? – Эрт усмехнулся. – Будто вы не знаете, что половину команды удалось заманить на борт только обещанием пограбить Урд. Да они же взбунтуются!

– Да вот я бы таких людей-то, главным образом, и не брал, – капитан поморщился.

– А где же других брать? – удивленно воззрился на него Эрт. – В самом деле, капитан, вы вечно всем недовольны, а выхода никакого не предлагаете. Или вы думаете, этих матросов было просто найти? Да мы с госпожой Ланой, можно сказать, целую неделю по всем городским кабакам ходили. Да и то: наймешь одного, дашь задаток, глядишь – а он уж испарился.

– Конечно, испарился, – капитан отряхнул обшлага своего заношенного бурого кителя. – Они не дураки тоже – за три кроны змею в зубы голову совать. Хорошо, если не все к послезавтрему разбегутся.

– Вот поэтому-то я и объявил, что отплывшие с нами уви-

дят легендарный Урд и получают день на тамошние трофеи, – Эрт чуть запрокинул голову. Он явно считал свою идею гениальной и был раздражен недовольством капитана.

В ответ на это капитан что-то ему возразил, но я не слышал, так как отошел к корме и уставился на горизонт, покрытый комковатым молочным туманом. Палуба под моими ногами легонько покачивалась в так волнению моря, и это ощущение было немного непривычным, хотя ничего похожего на морскую болезнь я не ощущал.

Скрипнула доска, и я обернулся: рядом со мной облокотился на балку лейтенант Морионе, изучающее глядя на меня.

– Погода, кажется, завтра будет подходящая, – проговорил я, неуверенно. – Ветер южный...

Лейтенант молча подбросил монетку, развернулся на месте, скрипнув тяжелыми сапогами и направился к корме, не удостоив меня ответом.

Глава 5

Утром, когда «Вестница» подняла паруса и двинулась на север, зарядил колючий дождь, и туман поднялся такой, что уже через несколько минут Крюстер скрылся в нем совершенно. Один только тонкий шпиль ратушной башни выступал из молочного одеяла, словно проткнувшая его швейная игла.

Я стоял на корме, накинув плащ с капюшоном, и смотрел, как последние признаки человеческого жилья тонут в белой мгле. Очень хотелось верить, что я еще увижу их когда-нибудь. Меня охватило холодное и неприятное волнение – словно я не плыл по морю всего в паре сотен метров от берега, а летел в космос на неуправляемой ракете. Отчего-то вспомнилось, как в детстве я впервые летел на самолете, и весь полет держался за спинку переднего кресла, словно в случае аварии это могло меня спасти. Сейчас я точно так же вцепился в мокрую доску планширя.

Рядом, опершись на планширь спиной и скрестив руки на груди, стояла Лана. В отличие от меня, она смотрела не назад, а вперед, и, казалось, была гораздо спокойнее.

– Сейчас может ливануть сильнее, – сказала она. – Не хочешь спуститься вниз?

Я покачал головой. В чреве каравеллы царила такая теснота, что я невольно начинал испытывать приступы клаустро-

фобии. Запах солонины, дерева, смолы и немытых тел висел там тяжелой завесой. И хотя нам с Ланой даже выделили по тесной каюте, размером чуть больше гроба, торчать там безвылазно совсем не хотелось. Лучше уж здесь – хотя бы просторно. А вот солдаты Морионе – десяток смуглых здоровяков в кольчугах, с трудом говоривших по-карнарски – как засели там за игрой в кости еще до отплытия, так на палубу и не выходили.

Разговор наш с Ланой как-то сам собой свернул в сторону Урда, в котором нам предстояло высадиться.

– Монланд был колонизирован выходцами с Сунланда триста лет назад, – начала рассказывать она, когда я признался, что об истории этих земель за три года узнал крайне мало. – Но и до этого здесь уже жили люди: светловолосые, высокие. Чем-то похожие на земных скандинавов. Их потомков и сейчас довольно много осталось в Тарсинском герцогстве, да и в Брукмерских землях тоже. Больших королевств у них не было – были города-государства, враждовавшие друг с другом. Приморские жили торговлей и набегами на берега Сунланда, глубинные – ремеслами и набегами на приморские. Почти все крупные города на Монланде построены на месте этих поселений: и Карнара, и Брукмер, и Ансо, и Тарсин. А самым крупным был Урд.

– И его, что же, колонизаторы разрушили? – спросил я.

– Нет, – Лана поежилась, когда холодный ветер бросил в нее пригоршню мелких капель. – Не совсем так. В Урде

всем заправлял какой-то жутковатый культ: кажется, они даже приносили человеческие жертвы. На вершине пирамиды, прямо как майя. Говорят, они взывали к кому-то, живущему внутри пирамиды. Просили его, и он отвечал на их просьбы. Это было что-то вроде магии. Потом Урд захватили доминатские конкистадоры, и, конечно, не стали этого терпеть: у них-то магия дозволена только служителю церкви, да и то не всякому. Они потому и таких, как я, сжечь готовы.

В общем, культ они выкорчевали на корню, всех его служителей пожгли на кострах, но пирамиду разрушать не стали просто поставили на ее вершине часовню. А город остался. И, вроде бы, даже процветал до того, как появилось Чернолесье, которое с первого дня прошло через него едва ли не самым центром. Представляешь: жили себе люди, а потом в один прекрасный день проснулись: вокруг города лес, из которого прут жуткие твари и жрут все на своем пути.

– Отлично представляю, – ответил я, глядя на затянутый дымкой берег. – Я сам однажды так проснулся.

– Не совсем то же самое, конечно, – Лана покачала головой. – Но, в общем, да. Короче, доподлинно неизвестно, что было с городом дальше: наверное, кто смог, уплыл оттуда на кораблях или пробился через лес. Полоса Чернолесья тогда была намного уже, чем сейчас. Вооруженный отряд, должно быть, мог пройти.

– И что же там теперь? – спросил я.

Лана пожала плечами.

– Откуда же я знаю? – ответила она. – Надо полагать, просто заброшенный город, сильно разрушенный временем и нежитью. Но раз суда этим путем не ходят, значит, мародеры там не побывали, так что Эрт недаром наобещал команде сокровища.

– И как ты относишься к идее пограбить мертвый город? – я развернулся, следя глазами за чайкой, пролетевшей сквозь пелену дождя куда-то в сторону берега.

– Тамошним жителям их добро уже не понадобится, – ответила Лана.

– Я смотрю, ты здорово все это изучила – проговорил я, наблюдая за удаляющимся белым пятном и барабана пальцами по цевью крикета, спрятанного от влаги под плащом. Лана отчего-то смутилась.

– Я хотела, чтобы мы лучше знали, куда отправляемся, – ответила она секунду спустя. – Это действительно нехорошее место, и нужно будет держаться настороже. Я считаю, что было бы неплохо сперва нам с тобой вдвоем сходить на разведку, а затем, если все нормально, уже запускать туда команду корабля и солдат.

– Как бы они не подумали, что мы норовим захватить себе самое ценное, – ответил я. Что-то такое вертелось у меня в голове. Какое-то смутное подозрение, которое я никак не мог облечь в форму вопроса.

– Мне плевать, что они подумают, – жестко ответила Лана, сжав губы.

– Может быть, если там в самом деле так опасно, тебе не стоило плыть? – спросил я ее.

– Какого черта?! – вспыхнула она вдруг. – Я готовилась к этому плаванию не один месяц! Я маг, в конце концов, у меня уровень выше твоего, и я могу за себя постоять!

Я замолчал, смутившись ее отповедью. Действительно: Лана никогда ничего не делала наобум, и если уж решила достигнуть цели, то сперва составляла хотя бы мысленно план с пунктами и подпунктами. Возможно, мне и в самом деле стоило скорее переживать за себя, но переживать за себя мне как-то надоело, да и неприлично было бы делать это вслух.

Молчание, повисшее между нами, нарушил Дрикер, приблизившийся к нам и сплюнувший за борт, сморщившись при этом, словно от дурной выпивки.

– Вы бы, госпожа, поменьше бы в этом наряде на палубе ходили, _ проговорил он со своим извечным кислым выражением лица, кивнув куда-то в сторону ланиных брюк. – А то народ-то всякий тут, кого уж там господин Эрт набрал.

– Я тоже участвовала в подборе экипажа «Вестницы», – напомнила Лана, и уши ее при этом покраснели. – И я не понимаю, каким образом...

– Да обыкновенным образом, – вздохнул капитан. – Я вам и то, еще в Крюстере говорил, что не женское это дело, на корабле ходить, да еще среди толпы такого, откровенно говоря, отребья.

При этом он понизил голос, чтобы двое матросов, сматы-

вавших какой-то канат под ободрительную ругань боцмана, его не слышали.

– Сорок мужиков на корабле, да еще солдат десятков, – продолжил он, вздохнув. – А вы эдак-то вот...

– Я полагаю, ваша команда знает, что я офицер экипажа, и что непочтительность ко мне в походе наказуема, – проговорила Лана, чеканя каждое слово. – А если не знает, то разве не ваше дело эту мысль до них донести?

– Да я что? – стушевался Дрикер. – Я только вашего ради спокойствия.

Он снова сплюнул за борт и направился торопливыми шагами к боцману, отдавая ему какие-то малопонятные указания на морском жаргоне.

– Решать он за меня будет, что мое дело, а что не мое, – раздраженно проговорила Лана себе под нос.

– А в самом деле, обязательно вам было плыть самой? – раздался вдруг рядом веселый голос Эрта, поднимавшегося по трапу из трюма и с удовольствием потягивавшегося. – Вы слишком прекрасны, чтобы так рисковать своей жизнью.

– Вы все сговорились, что ли?! – бросила Лана и загрохотала каблуками сапог вниз по трапу, так что молодой судовладелец едва успел посторониться.

Он взглянул на меня с недоумением. Лана ему, кажется, нравилась, но он никак не мог выдержать с ней правильный тон. Я только развел руками и покачал головой.

Вслед за этим потянулись длинные одинаковые дни, наполненные дождем, теснотой, качкой, запахом смолы и напряженным ожиданием худшего. Как главному защитнику корабля от возможного нападения, мне полагалось как можно больше времени проводить на палубе. Я договорился спать по три часа ночью и еще столько же днем. При этом днем во время моего сна на палубе всегда была Лана, а ночью усиленный караул из солдат Морионе.

Нежить, однако, все не показывалась, и необходимость все время быть настороже выматывала, да и сна не хватало, отчего уже на третий день я стал слегка неадекватен: на вопросы отвечал с запозданием, и то и дело норовил прислониться где-нибудь к переборке и подремать хотя бы стоя. С наслаждением думал я о том, что скоро наберу следующий уровень, и смогу вкачать прибавку к выносливости, после которой потребность в сне существенно снизится. Пока же приходилось терпеть.

«Вестница» двигалась вдоль берега медленно, почти что ощупью, чтобы в условиях переменного ветра не напороться нигде на мель, но в то же время и не удалиться слишком сильно от берега.

Первые пару дней на берегу кое-где попадались окруженные частоколом рыбацкие деревушки, а в море небольшие рыбацкие лодки с вооруженными хмурыми людьми. Окраи-

на Чернолесья жила своей жизнью: тяжелой, настороженной. Вскоре, однако, и их не стало, и берег затянулся сплошной черно-бурой полосой леса, в которой лишь кое-где можно было разглядеть остатки построек, разваленных или выгоревших много лет назад.

Как только признаки человеческого жилья перестали показываться на горизонте, настроение на борту, и без того не слишком веселое, упало еще на пару пунктов. Даже Эрт, казалось, несколько сник, меньше болтал о нашей грядущей славе, и все чаще застывал на мостике со зрительной трубой, разглядывая затянутые туманом лесистые берега. Матросы же, сменившись с вахты, уже не пели в кубрике похабных куплетов, как поначалу, а все чаще затягивали какую-то заунывную и совершенно бесконечную песню о том, как гребец из Графты плыл за своей любимой через море, останавливаясь возле каждого острова и сетуя на то, как далеко ему плыть.

Помимо общей мрачной атмосферы лично меня несколько тяготило еще и то, что с первого же дня на судне мне невольно пришлось занять роль арбитра между Дрикером и командой с одной стороны и Морионе с его солдатами с другой. Между наемниками и моряками то и дело возникали стычки: из-за еды, из-за игровых долгов, из-за порции грушевки, которую Морионе выторговал для своих ребят, а матросам в плавании не полагалось. А кого же могли позвать, чтобы утихомирить дерущихся или просто спорящих на по-

вышенных тонах мужиков? Разумеется, того, кто не относится ни к той, ни к другой стороне. Прямо как в старом анекдоте про звонок в пожарную команду о том, что нужно разнять драку врачей с полицейскими.

Таким образом, вместо охотника на нежить, которой пока в поле зрения не было, я превратился в нечто среднее между барным вышибалой и третейским судьей, хотя всегда считал, что ни на ту, ни на другую роль совершенно не гожусь. Дело осложнялось тем, что пожилой капитан смотрел на меня, как на не знающего жизни сосунка, хоть и старался быть вежливым, а Морионе разговаривал со мной через губу, явно и вовсе не принимая всерьез. Приходилось вертеться между ними, сглаживая углы, и это все меньше мне нравилось.

На четвертый день пути впередсмотрящий прокричал, что видит на берегу людей. Все, кто не был занят делом, сгруппировались на левом борту, и очень скоро стало ясно, что за людей это можно принять лишь издали. Полуразложившиеся людские остовы со свисающими лоскутами остатками плоти слепо бродили по склону небольшой песчаной дюны, отгородившей лес от моря. То и дело кто-то из них принимался загребать в воздухе руками невидимого противника или щелкать челюстью, разрывая несуществующее мясо.

Матросы смотрели на это зрелище, как зачарованные. Кто-то плевался, кто-то осенял себя знаком, отгоняющим нечистого, кто-то шептал про себя молитву. Многие из них не видели раньше нежити: до Крюстера она по суше обычно

не добиралась. Для меня же картина интереса не представляла, и я хотел уже, было, выбраться из потной толпы, припавшей к борту. Но тут один из мертвецов повернул в нашу сторону безглазую голову, раскрыл черный запавший рот и издал мощный утробный рев, похожий на гудок поезда.

Вся толпа невольно вздрогнула отпрянула от борта: чудом никто не покалечился и не свалился за борт. «Превеликий Мученик Иннокентий!» – раздался сразу нескольких сторон испуганный шепот. – «Дурной знак! Очень дурной!».

Я в дурные предзнаменования не верил, но и мне невольно стало не по себе. Словно кто-то предупреждал нас: пойдете дальше – пеняйте на себя.

Глава 6

В тот вечер я ворочался на жесткой циновке, постеленной на лавку в моей гробообразной каюте, и старался заснуть, положив голову на мягкий тюк с вещами. Качка была сильная, и в темноте мне порой казалось, что я утратил ощущение верха и низа и завис где-то в невесомости.

Невесомость пахла смолой, мокрым деревом и нечистотами. Она была душной и скользкой, и от нее в голову то и дело начинали вползать голоса.

Один голос, холодный и отстраненный, повторял все время одно и то же: «Умрешь... Умрешь...». Может, это был всего лишь шум волн за бортом, но меня от этого слова охватывало чувство холодной обреченности.

Другой голос был настороженным и нервным. Он то и дело твердил мне: «Не спи... Не спи...». И хотя это, вероятно, был всего лишь шум ветра в снастях, но заснуть под него, в самом деле, было трудно. Холодные адреналиновые мурашки суетливо носились вдоль позвоночника, мешая провалиться в небытие.

То и дело из этого небытия выступали и зрительные образы. Вот Грановский в сером балахоне смотрит на меня своим пронизательным взглядом и иронично качает головой в такт рокоту волн. Вот бледное лицо Киры с расширенными от страха глазами. Вот светловолосый парень, что привел к

Клугстерскому монастырю орду нежити. Все они словно хотят от меня чего-то, ждут, какой выбор я сделаю, а я даже не знаю, из чего нужно выбирать.

Из звуков, совершенно точно принадлежавших к реальному миру, тишину время от времени нарушал скрип шагов по доскам нижней палубы да приглушенные крики боцмана сверху. Я не прислушивался к ним, и почти уже начал проваливаться в беспокойный тяжелый сон, как вдруг тьму прорезал совсем другой крик. Женский и совсем рядом.

Шаря в темноте в поисках лежащего под лавкой крикета, я задумался на секунду, не приснилось ли мне это. Но тут крик повторился, а ответом на него был злобный рык и стук по палубным доскам.

Выскочив из каюты, я увидел лишь зеленый огонек, трепетавший за приоткрытой соседней дверью. Не сразу до меня дошло, что это было зеленое лезвие Ланы. Из каюты слышалось тяжелое сопение и глухие звуки борьбы.

Ворвавшись внутрь, я увидел Лану, над которой навис, остервенело рыча, здоровенный детина со спущенными штанами. В правой руке он сжимал плотницкий топор с изогнутой рукоятью, но крепко сжатая рука Даны не давала ему пустить оружие в ход. Он же в свою очередь сжимал вторую руку волшебницы, на которой светилось зеленое лезвие и прижимал к лавке ее ноги, не давая отбиваться.

Недолго думая, я саданул громилу обухом крикета по голове, так что он глухо вскрикнул и тут же обмяк, повалив-

шись на палубные доски. Лана при этом издала задавленный всхлип и прижалась ко мне, уткнувшись лицом в мой воротник. А вокруг, тем временем, грохотали сапогами сбегавшиеся на крик матросы. Боцман, чертыхаясь и кашляя, тащил колышущийся от бега и качки тусклый фонарь.

Когда Лана смогла разговаривать хоть сколько-нибудь спокойно, то картина в ее изложении вышла следующая. Заснув под звуки бьющих о борт волн, она вдруг почувствовала возле своего горла лезвие. К нему прилагалась дышащая перегаром харя, которая сиплым противным голосом приказала ей не двигаться, чтобы чего не вышло. После этого огромная ручища с толстыми пальцами начала слепо щупать по ее брюкам в поисках застёжки.

Ублюдок, однако, не учел, что у Ланы было несколько очков вложено в перки на реакцию: нечеловечески быстрым движением она ухватила его за запястье, сжимающее топор, и позвала на помощь.

– Он посмел... чертова болванка! – завершила она свой рассказ едва слышно, сплюнув и поморщившись. Я обнял ее за плечи. Лана прижалась ко мне и расплакалась. В ее бессвязной речи чаще всего повторялись слова «болванка» и «хуже, чем животное».

Боцман, тем временем, распорядился, чтобы матросы унесли куда-то лежавшего без движения урода. Я же тем временем, старался, как мог, успокоить Лану, уткнувшуюся лицом в мое плечо.

– Гарва это был, плотник корабельный, – сказал запыхавшийся боцман, вернувшись к нам. – Мы его в канатном ящике заперли. Вы это, госпожа, мои вам извинения – недоглядел. За ними за всеми углядишь, разве?

Лана лишь передернула плечами, презрительно сморщилась и отвернулась.

– Доложите капитану, – проговорил я.

– Уж доложено, – кивнул боцман. – Завтра сразу с утра приглашает вас пожаловать для разбору.

Я предложил Лане покараулить двери ее каюты до утренней вахты, но она помотала головой, ответив, что запрется при помощи одного простенького амулета, назвав себя дурой за то, что не сделала этого раньше. На этом мы расстались, и я отправился досыпать в свою каюту, хотя теперь сон так и не пришел ко мне до самого рассвета.

На другое утро все офицеры корабля – а таковыми, помимо Дрикера, считались я, Эрт и Морионе – собрались в каюте капитана, чтобы решить судьбу насильника, запертого в канатном ящике.

На самом деле, офицером считалась еще и Лана, но она так и не вышла с утра из своей каюты, которая в самом деле оказалась заперта каким-то образом, хоть и не имела замка. Когда я под утро попытался с ней поговорить, она сбивчиво ответила, что не намерена покидать каюту, пока ситуация

не будет как-то разрешена. Кажется, она тоже не спала всю ночь.

Я был с ней согласен, и кипел негодованием. Может быть, я слишком долго прожил в здешнем мире с его жестокими законами, но в эту минуту был уверен, что за такое следует убивать. Эрт, кажется, был того же мнения: по крайней мере, на лице его отражалась мрачная решимость.

– Я считаю, что подобным людям однозначно не место на борту, – начал он дискуссию. – Мы должны поддержать дисциплину и показательно его казнить. Вам, Дрикер, как капитану, такая власть присуща.

– А плотничать кто будет? – спросил его Дрикер, скорчив кислую гримасу. – Я тоже за эту самую дисциплину, но что будет, если у нас, скажем, руль поломается? Вы будете новый строгать, или, вот, господин Руман, может быть? Вы как, господин егерь, плотницкому делу обучены?

Я покачал головой.

– Вот, – кивнул капитан. – А ежели течь? Нам что, назад поворачивать? Вы сознаете вообще важность нашего плаванья?

Эрт смотрел на капитана, вытаращив глаза и раскрыв рот. Кажется, отправляясь сюда, он не предполагал никакого противодействия, и теперь не знал, что сказать.

– Оставлять это дело так нельзя, – вступился я. – Подобное я считаю оскорблением для всех егерей, и как представитель Кернадала...

Живя четвертый год в средневековом мире, я хорошо усвоил, что любой человек здесь выглядит солиднее, когда козыряет принадлежностью к некой корпорации, которая может вступить за его интересы.

Аргумент и в самом деле возымел действие: Дрикер сник и покачал головой, о чем-то раздумывая.

— Ну, ладно, — вздохнул он. — Тогда сегодня же рубите ему голову

— Я полагаю, что за такое вешают, — проговорил Эрт, настороженно сглотнув. Он, кажется, еще не догадывался, к чему клонит капитан, а вот до меня уже начало доходить.

— Ну, хотите — вешайте, — пожал плечами капитан. — Только я подумал, что уж с веревкой ни вы, ни их инородие возиться не будете. А топор, вон, есть у них. А то расстрелять еще можно.

— Я полагаю, что исполнение наказаний в плавании — прерогатива капитана и боцмана, — возмутился Эрт. — При чем же здесь мы?

— Обычных наказаний — да, — Дрикер кивнул. — Высечь, запереть — это я могу. Но чтобы живого человека жизни лишать — такой власти у меня нет. За это с меня в Крюстере спросят, если донесет кто.

— О, святые мученики! — воскликнул Эрт. — Да кто же с вас спросит, если мы привезем меха благополучно! Победителей не судят!

— Ежели вы считаете, что не спросят — то вы его и казните,

– отрезал капитан. – А я на душу грех не возьму.

– Можно не вешать, а посадить его на берег, – предложил я. – Тоже выход.

– Это надо, чтоб матросы шлюпку спустили и повели, – покачал головой капитан. – Я им такой приказ не отдам.

– Для контрабандиста вы слишком щепетильны, господин Дрикер, – невольно вырвалось у меня.

Лицо капитана при этом налилось кровью и сделалось лиловым, словно спелая слива.

– А вы это для государственного преступника слишком это... неосмотрительны, – огрызнулся он. – Так и знайте: у меня в команде штатного палача нет.

– Может быть, вы лейтенант? – обратился Эрт к Морионе, расположившемуся на лавке с таким видом, словно разговор никаким образом его не касается. – Ваши люди могли бы привести приговор в исполнение?

Тот только покачал головой.

– Если мои люди делать повешенным моряка, – проговорил лейтенант с сильным харкающим акцентом, – команда на них... как это говорится... омышится? Окрысится, да. Еще больше, чем есть сейчас. Мне это не есть совсем нужно. Лучше это без меня.

– Вы... вы ведете себя так, словно вас вообще ничего на судне не касается, – вспыхнул Эрт.

– Что есть на судне – больше всего касается его владелец, – развел руками Морионе.

– Вот видите, господин лейтенант все понимает, – мягко проговорил Дрикер. – А вы все никак не поймете, и ломитесь, как, простите Мученики, баран в свинарник.

– Да вы просто боитесь, что они вам отомстят, если вы повесите мерзавца! – Эрт уставился на капитана, тяжело дыша от ярости.

– Да, боюсь! – рывкнул тот, и край его рта некрасиво дернулся, съехав куда-то книзу. – А вы вот... очень зря не боитесь! Набрали какого-то сброда по подворотням, а теперь хотите, чтобы дисциплина была! Да в воровском притоне иные приличнее выглядят, чем та команда, которой я по милости вашей руковожу! Хотите начистоту – так я вам скажу: если мы хотим живыми добраться до Тарсина, надо поменьше их злить, а там по возможности набрать новых, хотя бы половину.

– Капитан имеет резон, – кивнул лейтенант.

– Да вы дрянные трусы оба! – воскликнул Эрт, вскочив и сжав кулаки. – Я требую!

– Вы есть потише, – проговорил Морионе, нехорошо ухмыльнувшись и положив ладонь на рукоятку своего палаша. – Кто мне так говорит и не извиниться...

– Подождите! Стоп! – я примирительно поднял руки. – Господин Эрт сказал сгоряча и приносит свои извинения. Правда, господин Эрт?

Я взглядом дал понять судовладельцу, что дело приняло нехороший оборот, и надо бы как-то выруливать. Он неохот-

но кивнул, скорчив кислую мину.

— Капитан, вы отказываетесь казнить преступника, — продолжил я. — Допустим. Ваши предложения?

— Дык, в цепи его заковать, и пусть работу работает до Тарсина, — ответил Дрикер. — А там сдадим его портовым властям — пусть решают его судьбу. За покушение на офицера при свидетелях там по головке не гладят. Будет дальше моряцкую карьеру на галере продолжать.

— Но спит пусть в канатном ящике, — добавил Эрт.

— Где ж ему еще? — согласился Дрикер. — Пусть посидит.

— Так и быть, — резюмировал я с каким-то нехорошим чувством. Возможно, возникло оно оттого, что мне теперь предстояло объяснять Лане, отчего этот человек все еще на борту, и будет плыть с нами до самого Тарсина. Мне этого ужасно не хотелось, но больше было некому.

Я выругался про себя. С каждым днем эта экспедиция не нравилась мне все сильнее.

Глава 7

На седьмой день пути мы должны были сделать вылазку на берег. Прежде всего, затем, чтобы пополнить запасы пресной воды, которой много с собой не брали, так как это было, все-таки, не океанское плавание. Эрт легкомысленно предположил, что удастся также подстрелить что-нибудь из дичи, на что я ответил, что едва ли мы найдем в этом лесу что-то живое, крупнее крота: звери здесь не выживают.

Серьезной опасности, впрочем, мы до сих пор не встретили. Уныло бродящие по берегам мертвецы попадались пару раз в день, но бояться их было нечего, и вскоре команда перестала обращать на них внимание.

Только однажды на палубу из-за низких облаков спикировал с inferнальным клекотом квакен и впился кривыми, словно рыболовные крючки, зубами в плечо матроса, прибиравшегося на палубе. К счастью, я как раз был рядом и успел зарубить тварь еще до того, как она сумела вонзить в беднягу жало. Так что парень отделался шоком и развороченным плечом. Лана напоила его какой-то наркотической настойкой и наложила мазь из грибных шляпок, так что можно было за него не волноваться. В остальном же было тихо, и я начинал даже тосковать по настоящему делу, так что идею выбраться на берег воспринял с волнующим нетерпением.

Для высадки Эрт выбрал развалины рыбацкой дереvуш-

ки, показавшиеся, когда с утра мы обогнули небольшой мыс, поросший высокими соснами. Мне это показалось не лучшей идеей: кто знает, что могло угнездиться в почерневших полуразвалившихся хижинах. Но Эрт заметил, что где-то в окрестностях деревни наверняка должен быть ручей или ключ, из которого ее жители брали воду, и эта мысль показала всем разумной. Нужно было только доставить к этому ключу пузатую черную бочку, наполнить ее и двигаться дальше.

Шлюпка ткнулась носом в мягкую глину на берегу, и я первым выскочил из нее на влажную траву, оглядевшись по сторонам. Меня окружали почерневшие хижины и сараи, крыши их давно обвалились, а земляные полы поросли чахлой сероватой травой. В провалах окон, которые и в лучшие свои времена не знали стекол, гулял ветер.

– Ну, что, ваше инородие, ничего особенного не чувствуете? – спросил меня Эрт, привстав на банке и с трудом удерживая равновесие.

Я покачал головой. Восприятие мое было прокачано, но не до такой степени, как у Олега или некоторых других егерей высокого уровня. Те могли буквально почувствовать присутствие нежити за несколько сот метров – раньше, чем мертвяки чуяли их. Мне же оставалось пока только вслушиваться в шорох листвы и внимательно смотреть по сторонам.

Ничего подозрительного здесь не было. Даже почти не было запаха пепла, хотя некоторые из черных остовов явно вы-

горели когда-то. Но было это уже очень давно: пепел того пожарища давно ушел во влажную землю и пророс травой.

Мы медленно двинулись от пристани вглубь деревушки: я впереди, справа и позади меня Эрт с пистолетом, возбужденно вертевший головой по сторонам, слева – Морионе, сосредоточенно водивший перед собой острием палаша. Позади следовали трое его солдат с мушкетами и запаленными фитилями. Матросы, что привезли нас, остались сторожить шлюпку и сидели на ее борту, взволнованно перешептываясь. С ними же осталась и бочка для воды. Один из матросов, высокий краснорожий детина, нервно барабанил по выпуклому боку бочки широкой ладонью и расписывал своему собеседнику достоинства Тарсинских борделей.

И хоть говорил он совсем негромко, голос его далеко разносился в особой, знакомой каждому, кто хоть раз был в Чернолесье, тяжелой, давящей тишине. Здесь, в глубине леса, не было слышно пения птиц, почти не жужжали насекомые, и даже ветер в листве, казалось, шуршал как-то настороженно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.